

ДК 1(091)

А.Д. ТОЙНБИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.3.171

Рассматривается интерпретация А.Д. Тойнби взаимосвязи исторического опыта и современности. Показано, что видение исторического опыта этим автором обосновывается на базе антропологии, позволяющей обосновать его эпистемологические характеристики. Рассмотрены истоки концепции исторического опыта Тойнби в воззрениях А. Бергсона, П. Тейяра де Шардена и других авторов. Взгляды Тойнби на живой индивидуальный и коллективный опыт, их соотношение с историописанием сопоставлены с идеями Ф. Анкерсмита и других философов. В свете подхода Тойнби к историческому опыту рассмотрена его деятельность как историка и аналитика современного состояния мирового сообщества.

Ключевые слова: *А.Д. Тойнби, исторический опыт, современность, метаистория, цивилизационный подход, экуменическое видение истории.*

Введение

А.Д. Тойнби (1889–1975) – один из наиболее значимых представителей концепции локальных цивилизаций, чье творчество обогащено энциклопедическим знанием всемирной истории и ее осмыслением в свете современности. Этот автор интересен тем, что он воспринимает опыт истории как своеобразный ключ к пониманию современности и одновременно отчетливо сознает, что минувшее всегда постигается людьми в горизонте событий их жизни. Объективируя прошлое, как представляется ему, мы не в состоянии уйти от его переживания. Оно продолжает свою жизнь в настоящем и мотивирует наши свершения, шаги в будущее. Такого рода подход диктовал готовность Тойнби принять ту линию видения мира, которая была представлена в варианте философии жизни. Одновременно, размышляя о включенности человека и планетарного сообщества в глобально-космический процесс, Тойнби был склонен к поиску религиозного основания универсума в достаточно нетрадиционном варианте экуменического толка. Синтез момента переживания истории с признанием фона абсолютного начала мироздания весьма значим для его интерпретации конституирующих моментов исторического опыта. К числу таковых для него, несомненно, принадле-

---

© Ануфриева К.В., 2021

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого», № 20-011-00406-А.

жит и рациональное начало, которое, опираясь на данные свидетельств о событиях минувшего, должно не только провести типологическую работу по воссозданию в мыслительном пространстве существовавших цивилизационных образований, но и дать характеристику общих моментов их появления, развития и гибели. В единстве этих моментов существует опыт постижения минувшего, который, по мысли британского автора, живет в человеческих существах, побуждая их к постоянному творческому созиданию мира в настоящем, в свете открытости истории². Исходя из этих моментов, попытаемся охарактеризовать понимание взаимосвязи исторического опыта и современности, предложенное Тойнби.

Антропологические основания исторического опыта

Обладание историческим опытом представляется Тойнби итогом особого статуса человеческого существа в универсуме. Человек, по Тойнби, отличается от иных представителей животного мира, хотя и непосредственно связан с целостностью мироздания и природными основаниями своего существования. Свои рассуждения об историческом опыте, лежащем в основе специализированных академических штудий минувшего, глобальных представлений о пути, пройденном человечеством, Тойнби выстраивает в соответствии с собственными антропологическими представлениями. Они, как явствует из его многочисленных историко-публицистических произведений и интервью, одновременно служат и своеобразными предпосылками его видения конституирования цивилизационного развития. Человек, переживающий и постигающий специфику своего исторического бытия, одновременно выступает для него в качестве существа, созидающего многообразие социальных связей, творящего миры культуры и коррелятивные им цивилизационные образования.

К неповторимым составляющим человеческой природы Тойнби относит: сознание и самосознание, способность к волевому выбору, различению добра и зла, конституирующую моральное измерение существования человеческих существ, и, наконец, изначальную религиозность, которая им присуща [9, р. 13–14]. Обладая сознанием, человек, как представляется Тойнби, включен в поток чувственных образов природной и социальной реальности, которые он не только переживает, но также понятийно идентифицирует и соотносит с собственным «Я». И, разумеется, коль скоро при этом подразумевается наличие обстоятель-

---

² Хотя проблема исторического опыта специально не рассматривалась западными исследователями, ее отдельные аспекты становились предметом анализа в трудах К. Брюина, К. Вайнтраута, Д. Вилкинсона, Д. Джеймса, Д.Ф. Кеннана, М. Кэплейн, М. Ланга, У. Макнейла, Э. Монтегю, М. Перри, Л. Февра, Я. Холла и др. В работах Б.Т. Григорьяна, В.Д. Губина, Б.Л. Губмана, А.А. Ивина, Е.Б. Рашковского, И.С. Кона, Э.С. Маркаряна, В.М. Межуева, Ю.И. Семенова, Ю.Н. Семенова, В.Н. Сырова, В.И. Уколовой, и др. отечественных авторов также присутствуют ценные аналитические соображения, связанные с этой тематикой.

ств не только места, но и времени, для Тойнби это означает также момент историчности опыта, который живет в человеческом существе. Шлейфом опыта для Тойнби не заканчивается описание принимаемых им в качестве основных антропологических характеристик, ибо, пребывая в настоящем, субъект обречен выбирать между добром и злом, что заставляет задуматься о мучительных мировоззренческих вопросах. Обращаясь к ним, носитель опыта истории сталкивается и с неисчерпаемостью мироздания, поиском абсолютного начала мира, его финальной осмысленности. В мыслительной лаборатории Тойнби исторический опыт всегда имеет своим противоположным полюсом находящийся за его пределами Абсолют, о статусе которого он неустанно размышляет.

Философско-теологическая составляющая чрезвычайно важна для понимания строя исторического мышления Тойнби, ибо его носитель рисуется ему, как и любое человеческое существо, малой частичкой мироздания, сопричастной тайне его абсолютного первоначала. Тойнби отлично понимает, что утверждение о существовании Абсолюта как основы, порождающей природно-космический универсум и историю, является веровательной установкой, но говорит о том, что такого рода взгляд выглядит для него наиболее приемлемым [10, р. 4]. Вопрос же о природе Абсолюта оставался для него всегда открытым, поскольку он не верил в способность человеческого интеллекта проникнуть в конечную суть вещей, остающуюся для него тайной. «Я продолжаю утверждать, что жизнь и реальность-в-себе является для меня тайной, которая необъяснима для меня в ключе эволюции» [6, с. 321], – писал Тойнби. Занимая в эпистемологическом плане агностическую позицию, Тойнби одновременно, пользуясь кантовским способом мышления, обращается к постулатам веровательного характера, которые для него вполне могут быть подвержены критическому пересмотру, коррекции. В своих собственных религиозных допущениях он выступает как сторонник экуменической перспективы, движущийся от христианской англиканской религиозности к восприятию синтеза буддизма и даосизма.

Размышления Тойнби об опыте пребывания человека в мире во многом основаны на освоении наследия А. Бергсона и П. Тейяра де Шардена, британского неогегельянства, холизма Я. Смэтса, этической платформы современной ему англиканской теологии. Бергсон интересен ему как теоретик, который продемонстрировал примат творческой интуиции над рассудочной деятельностью, показал ее роль в созидании мира культуры. Конечно же, при этом его видение реальности в перспективе творческой эволюции привлекло Тойнби еще и потому, что развиваемый им вариант философии жизни предполагал признание существования постигаемого в мистико-интуитивном проникновении единого начала вселенной. Воспринявший урок Бергсона Тейяр де Шарден притягателен для Тойнби тем, что его учение, выдержанное в духе христианского эволюционизма, предполагает рассмотрение чело-

века как высшего итога совершенствования космического целого, в котором неразрывно сопряжены рациональное начало и глубинный мистицизм. Тойнбианское понимание опыта, которым наделен человеческий субъект, предполагает, что его конституирование как сплава чувственных данных с рассудочным компонентом имеет своей оборотной стороной мистическую погруженность во взаимосвязь с непостижимым Абсолютом. Урок британского неогегельянства и учения Смэтса состоит в том, что отдельные исторические явления следует мыслить в рамках целого. Общий фон англиканских теологических исканий его времени пробудил его интерес к видению эволюционирующего целого истории в моральном измерении.

В своем стремлении постигнуть мир человек выступает в качестве существа, которое движимо любопытством. Само наличие сознания в качестве одной из базовых характеристик человека ведет к столкновению с фрагментами реальности, за которыми скрывается нечто большее, чем непосредственно представленное в чувственных образах. Заинтересованность постигнутыми феноменами, как полагает Тойнби, мотивирует человека к проникновению в ту сферу, которая маскируется внешним слоем опыта с целью его понятийной обработки и обогащения. «Любопытство остается неудовлетворенным до тех пор, пока оно не достигнет своей цели; и поэтому, хотя оно может начаться как развлечение, оно закончится, если настойчиво следовать его импульсу, религиозным опытом. Встреча с реальностью, стоящей за этими явлениями, – это не просто умственный подвиг; это неременное обязательство для человеческого «Я» привести себя в гармонию с высшей реальностью, согласуя свою собственную человеческую волю в соответствии с ней» [11, р. 489]. Получается, что, по Тойнби, религиозно-мистический компонент влечет человека к оформлению понятийно наличного арсенала чувственных образов, а значит, к обогащению опыта.

Историчность опыта предстает, в понимании Тойнби, результатом того, что человеческий субъект всегда обнаруживает себя в конкретной ситуации пространства и времени. «Мы живем в психическом потоке времени, вспоминая о прошлом и ожидая с надеждой и страхом наступающее будущее» [11, р. 10]. Эта мысль о постоянном переживании человеком своего пребывания во времени служит отправным моментом рассуждений Тойнби об опыте истории и различных попытках его запечатлеть. Британский историк никогда не скрывал, что его собственное понимание феномена времени во многом сопряжено с трактовкой такового в философии жизни А. Бергсона, оказавшей значительное воздействие на формирование его воззрений. Само существование в потоке времени заставляет задуматься о том, что попадающее в сферу нашего переживания здесь и теперь относительно по своему характеру и обретает смысловое наполнение лишь в более широком контексте событий истории.

Целостность переживания реальности постигающим ее человеком, по мысли Тойнби, еще не является упорядоченным опытом. «Человек должен расчленить реальность на бесчисленное множество изолированных фрагментов с тем, чтобы обрести способность понимать ее» [11, р. 478]. Реальность при этом не определяется им и предстает как некая переживаемая данность. Британский автор полагает, что, артикулируя явления реальности и классифицируя таковые, познающий субъект, вне всякого сомнения, зачастую искажает их, но с этим ничего нельзя сделать, ибо альтернативой будет мистическое пассивное погружение на базе интуиции в божественное единство универсума. Абстрагирование во имя последующего мыслительного синтеза – судьба познающего субъекта, обогащающего свой жизненный и исторически значимый опыт.

Исторический опыт, по справедливому мнению Тойнби, связан с схватыванием того, что явлено в определенных обстоятельствах места и времени, запечатлено в свидетельствах источников и зримо представленной символике, воплощающей предметно мировоззрение людей той или иной эпохи, но одновременно он неотрывен от мыслительной активности субъекта. И, как подчеркивает он, субъект исторического опыта активно судит о мире в определенной исторической ситуации, объединяющей его с другими людьми. Хотя Тойнби не притязает на роль профессионального эксперта в области эпистемологии исторического познания, его построения, вне всякого сомнения, несут на себе печать отнюдь не поверхностного освоения итогов «критики исторического разума» в постклассической западной философии.

Благодаря трудам прежде всего теоретиков Баденской школы неокантианства и многочисленных поклонников и последователей их идей, сложилось мнение, что история, в отличие от естествознания, ориентирована на постижение индивидуально-неповторимых событий. Не опровергая того, что события истории отмечены печатью уникальности, Тойнби не соглашается с утверждением, что в них не обнаружимо и нечто общее. Иронизируя по поводу крайнего исторического номинализма, он говорит о том, что отличительные черты исторических феноменов не были бы потенциально опознаваемы, если бы мы не смогли обнаружить в особенном и нечто общее некоторому множеству предметов мысли о минувшем. Историческим суждениям, по Тойнби, свойственно включать определенные феномены в некоторое множество явлений, чтобы затем обнаружить только присущие им отличительные черты. Понятийное мышление в целом связано со способностью различать и объединять то, что предстает как чувственно данное. Тойнби безусловно усвоил этот урок платоновской и аристотелевской мысли. Приводя уникальную цепь феноменов в некоторую последовательную взаимосвязь их во временной последовательности, сплетая воедино уникальное и общее, субъект формирует ткань наполненного смыслом ис-

торического опыта, позволяющего ему не только систематизировать данные о минувшем, но и ориентироваться в событиях настоящего.

«Отправной точкой исторической интерпретации, как и любого интеллектуального предприятия, – замечает Тойнби, – является предположение о том, что реальность имеет для нас некоторый смысл, доступный нам посредством мыслительного процесса объяснения. Мы предполагаем, что реальность имеет смысл, даже если, возможно, и не полностью» [11, р. 486]. Осмысленный порядок явлений представляется ему возникающим благодаря тому, что мир чувственно постижимого конструируется нашей мыслью в синхронном и диахронном измерениях сообразно с обнаруживаемыми в нем регулярностями и порядком. Рассуждая о том, что человеческий интеллект как бы приводит в порядок поле чувственности, Тойнби выражает свое неприятие эмпирико-позитивистскому воззрению на структуру опыта.

Стремясь обнаружить внутренний механизм имманентного основания эмпирико-позитивистского взгляда на реальность, «деконструируя» таковое, если пользоваться словарем постструктурализма, Тойнби говорит о его рождении на основе «индустриалистского» подхода к природе и истории, которые рисуются в качестве некоего «сырого эмпирически данного материала», подлежащего промышленному использованию, утилизации. Он возмущается позитивистским «индустриалистским» подходом к области исторического мышления, обличая тех профессоров истории, которые пытаются, копируя физическое мышление, перенести его приемы на сферу сугубо человеческих деяний, требующих постижения их смысла. «Индустриализация исторического мышления, – констатирует он, – зашла столь далеко, что в некоторых своих проявлениях стала достигать патологических форм гипертрофии индустриального духа» [4, с. 16]. Обличение «индустриализма» в области исторической мысли, встречаемое у Тойнби, заставляет вспомнить не только пассажи из сочинений А. Бергсона и О. Шпенглера, но обличение «манипуляторского» подхода к истории, которым буквально пропитаны «Черные тетради» Хайдеггера. Конечно же, свои инвективы против такого подхода к историческому знанию Тойнби черпает непосредственно из сочинений Бергсона. «Возможно, следует согласиться с А. Бергсоном, который утверждал, что наш интеллект обладает свойством схватывать отдельные проявления физической природы в формах, пригодных для последующего осуществления действий. Однако, даже если в этом заключается оригинальная структура человеческого ума и, если другие методы мышления представляются нам неестественными, существует все же человеческая способность, на которую обратил внимание А. Бергсон – смотреть на мир как на неодушевленную природу, а как на целое, с острым ощущением присутствия или отсутствия в нем жизни» [4, с. 17]. Присутствие в истории не только природно-жизненного начала, но и человеческого целеполагания, делающего ее ткань наполненной смыслом, подлежащим раз-

гадке, стало достоянием националистически окрашенной европейской историографии XIX столетия. Отмечая, что как индустриализм, так и национализм стали социальным фоном, породившим различные варианты отношения к исторической реальности, Тойнби склонен к акценту продуктивности исторической мысли, рассмотрению ее как деятельности, в которой должна раскрываться смысловая подоплека индивидуальной и коллективной человеческой активности.

Работу историка Тойнби воспринимает как конструктивно-критическую деятельность, опирающуюся на исторический опыт и одновременно формирующую таковой. Поэтому, по его мнению, надо понимать, что видение истории конструктивно и связано с постановкой вопросов, в свете которых обрабатывается совокупный исторический опыт индивидуального или коллективного субъекта, закрепленный на базе памяти как фундаментальной человеческой способности сохранять образы настоящего и минувшего, обобщая и сопоставляя их. Тойнби отвергает позитивистский культ фактуального знания: исторические факты представляются ему плодом критического описания данных, получаемых из источников, в свете заранее принимаемой интерпретативной установки умозрительного характера. В этом отношении с ним трудно не согласиться, так как, несмотря на принципиальную эмпирическую верифицируемость исторических фактов, они, как впоследствии показал А. Данто, постигаются и описываются во временной динамике того, что случилось после констатируемого события. Хотя Тойнби не занимался самостоятельной эпистемологической аналитикой исторического повествования и его составляющих, но корректно подмечал роль теоретической рефлексии в их построении, возможность поливариантности такого рода конструкций и способов обнаружения доказательства их достоверности.

Фундаментальный труд Тойнби «Исследование истории» и в многотомном формате, и в сокращенных, суммирующих его изданиях начинается с утверждения относительности исторического познания. Эта относительность проявляется, по Тойнби, прежде всего в позиции исследователя как носителя исторического опыта, того эмпирического материала и наличных обобщений, которыми он обладает о событиях минувшего, а также избираемого предмета рассмотрения. При этом оказывается, что любой изучаемый частный исторический феномен всегда требует обращения к более широкому коррелятивному ему контексту. «Итак, чтобы понять часть, – резюмирует Тойнби, – мы должны прежде всего сосредоточить внимание на целом, потому что целое есть поле исследования, умопостигаемое само по себе» [4, с. 28]. В этом плане он приводит пример социокультурного строя Афин, который может быть понят только в контексте широкого поля исторического анализа. Соотнесение целого и части в процессе понимания исторических явлений – стержневой момент герменевтического анализа. Хотя Тойнби не соотносит свои построения с «понимающей» установкой, имманентный

строй его рассуждений говорит о том, что он принимает ее на вооружение. Универсализм оказывается оборотной стороной его утверждения об относительности исторического опыта и любых построений о минувшем. «Он привержен универсальному видению истории. Он хочет увидеть целое и определенным образом привести это целое в состояние смыслового единства» [12, р. 37], – замечает К. Вайнтраут. Тойнби выступает как автор, утверждающий в своих построениях значимость глобальных метатеоретических конструкций для обогащения содержания исторического опыта и практики историописания.

Исторический опыт как синтез моментов прошлого и настоящего

В творчестве Тойнби всегда присутствовал момент связи его глобальных метаисторических обобщений со штудиями современного материала. Он совмещал свои академические занятия в сфере создания теоретических обобщений динамики развития мировых цивилизаций с обостренным вниманием к аналитике панорамы социокультурной и политической жизни своего времени. Эти два вектора его деятельности существовали на протяжении всей его профессиональной карьеры в гармоничной сопряженности (см: [2, с. 17]). Характерно, что сам британский автор отлично осознавал плодотворность такого варианта профессионального развития и относил возможность реализации подобного сценария своей мыслительной деятельности к способности «прислушиваться» к зову исторического опыта, направлявшего его интересы как историка и аналитика современной ему панорамы динамики мирового сообщества.

Исторический опыт, по мнению Тойнби, аккумулируется индивидуальной и коллективной памятью, содержит некоторые представления о прошлом и применяется для расшифровки содержания настоящего. «Любое событие, относящееся к прошлому, но возвращающееся к нам памятью о нем, может оказать влияние на текущие события» [3, с. 84]. Сказанное означает, что Тойнби верит в действенность представлений, живущих в опыте истории, хранимых памятью о минувшем на то, что делают люди в настоящем, что позволяет проводить параллель между его мыслью и построениями Х.-Г. Гадамера и П. Рикёра. Он полагает, что человек не несущий в себе определенного опыта истории и сопряженных с ним представлений о ней, оказывается неспособным понять настоящее. Для него настоящее «грозит стать неразрешимой загадкой». Поэтому профессиональный историк, расшифровывающий содержание минувшего, своими рациональными усилиями способен обогатить исторический опыт и указать направление мысли, необходимое для ориентации в событиях современности. Своими размышлениями о пути апроприации субъектом, живущим в настоящем, опыта истории Тойнби предвосхищает подход к этому вопросу Х. Уайта и следующих в фарватере его мысли современных исследователей.

В построениях Тойнби мы встречаем и мысль о независимости исторического опыта в его индивидуальной и коллективной ипостасях от наличного видения истории, о его способности заставить людей по-новому взглянуть на взаимосвязь прошлого и настоящего, ощутить момент разрыва традицией. «Особенно мощным стимулом для исторического любопытства, – пишет Тойнби, – является, по мнению историка, столкновение современного опыта, общественного или личного, со знанием какой-либо ситуации в прошлом, с которой современная ситуация представляет разительный контраст. Конфронтация такого рода поднимает вопрос: “Как из это связано с предшествующим?” Этот вопрос уходит в корень исторического исследования, поскольку история связана с человеческими делами, поскольку они наблюдаются в движении во временном измерении» [11, р. 495]. В плане внезапного потрясения взрывным потоком коллективно фиксируемого исторического опыта Тойнби обращается к воспоминаниям Августина, ставшего свидетелем разграбления Рима в 410 г. войсками вестготов, заставившими не только его, но и многочисленных свидетелей этого символического события пережить шок крушения великой державы и наступления периода разрыва с прошлым и рождения нового исторического состояния. Нечто схожее, как рассказывает Тойнби, он ощутил на уровне индивидуального «озарения» в границах личного исторического опыта, когда во время пребывания в 1912 г. на Крите увидел разрушенную барочную венецианскую виллу времен венецианско-турецкой войны 1645–1669 гг. и внезапно задумался о скором крушении Британской империи и сложившегося миропорядка [11, р. 495]. Подобные размышления о роли коллективного исторического опыта в сломе устоявшегося видения хода социального развития в значительной мере схожи с аналитикой роли «возвышенного исторического опыта» Ф. Анкерсмита. Собственное же озарение Тойнби, ставшее прологом к его вынашиваемому далее видению трагического состояния цивилизации современного ему Запада, очень напоминает современные построения З.Б. Симона об ощущении истории «во времена глобальных перемен».

Личный опыт Тойнби несет на себе отпечаток восприятия тех событий истории, в которые он был непосредственно погружен. Британский теоретик полагает, что не только тексты источников, произведения историков, но и предметные реликты иных эпох, здания, скульптуры, рисунки, фотографии и живопись являются знаково-символическим воплощением той или иной исторической эпохи, которое апеллирует к индивидуальному и коллективному историческому опыту. Недаром в его трудах, и в особенности в однотомном издании «Изучения истории» под редакцией М. Кэплейн, присутствует богатый визуальный материал, позволяющий образно-символически «оживлять» в воображении читателя историческое повествование. Такого рода ход подачи истории позволяет сообщить в пространстве воображения переживаемое автором текста читателю. Эстетическое измерение опыта истории запечатлева-

ется тем самым в тексте и становится достоянием его визави, распределяющего его смысл. Одновременно Тойнби никогда не оставлял идеи о важности морального содержания происходящего в истории.

Предложенное Тойнби видение истории претерпело значительную эволюцию, как подчеркивают многие современные исследователи его творчества, под влиянием живого опыта постижения истории в его индивидуальном и коллективном измерениях. В 1910-е гг. он пребывал в убеждении, что основной единицей изучения истории является нация, продолжая в целом традицию характерную для европейской историографии предшествующего столетия. В 1920–1940-е гг. он переходит, во многом под влиянием опыта Первой мировой войны и последующего развития глобального сообщества, к цивилизационному анализу. В 1950–1970-е гг. его построения приобретают окончательную глобально-экуменическую перспективу [1, с. 43].

Вся карьера Тойнби как профессионала в области изучения истории, как подчеркивают современные исследователи его творчества, была отмечена интенсивной вовлеченностью в опыт современной истории и одновременно погружением в ткань всеобщей истории. «Действительно, всю карьеру Тойнби как историка и политического аналитика можно рассматривать как масштабное размышление о том, что стало называться глобализацией» [8, р. 749], – замечает М. Ланг. Становление Тойнби как историка проходило в среде оксфордских антиковедов и было во многом обусловлено атмосферой, которую Ланг именуется «эволюционистским идеализмом», что в его понимании характеризует сложную смесь из дарвинистских представлений, неогегельянских философских идей и англиканского видения общества как телеологически нацеленного на моральное совершенствование. Конечно же, подобные предпосылки предполагали размышления о статусе национального государства в широком мировом сообществе. Ланг подчеркивает, что, хотя Тойнби и выстраивал свою концепцию взаимодействия мировых цивилизаций в полемике с «Закатом Европы» Шпенглера, сами основные моменты его критики немецкого автора не были простым философским спором, но скорее опирались на собственное постижение происшедшего перед его глазами мирового развития. Как и В.И. Ленин, Тойнби читал «Империализм» Д.А. Гобсона и рассматривал судьбы отдельных государств в свете новейших экономических и политических тенденций. В этой перспективе Тойнби размышления о грядущем Британской империи и ее кризисе, который рисовался ему на фоне более глобальных коллизий современной ему эпохи. Расценивая глобализм, возникший в XIX столетии, как таящий трагические последствия для человеческого сообщества как единого целого, Тойнби реализовал свое переживание исторического опыта в цивилизационном подходе. Его собственный взгляд на перспективы истории скорее выглядит как либеральный с добавлением социалистических идей.

Для учителей-антиковедов Тойнби в стенах Оксфорда судьба греко-римского мира выглядела своеобразным эталоном для понимания судеб цивилизационного процесса и состояния современности. Когда молодой Тойнби появился в Оксфорде в 1907 г., там блистали профессора Г. Мюррей и А. Циммер, которые впоследствии перешли в сферу активной политики, поместив в центр своих исканий судьбы Британской империи, Британского Содружества наций и их роль в мировом сообществе, организованном на базе Лиги наций. Поэтому понятно, что Тойнби унаследовал общий стиль размышлений своих учителей и даже их изначальный подтекст «эволюционного идеализма» и морального теологизирования.

Разразившаяся Первая мировая война сделала Тойнби вовлеченным в бурное кипение мировой политики. Недавний выпускник Оксфорда и начинающий исследователь-антиковед не был призван в действующую армию по состоянию здоровья, но с 1915 г. начинает свое сотрудничество с британским министерством иностранных дел, работая в департаменте политической разведки. Он был участником мирных конференций по итогам двух мировых войн. Никогда не порывая с академическими штудиями Античности, всеобщей историей как академической дисциплиной, Тойнби был одновременно аналитиком современной ситуации, ее политической и социокультурной граней. Тому способствовал его личный опыт. Случилось так, что, в силу определенного несовпадения взглядов на отношения Греции и Турции с финансовыми учредителями руководимой им в Лондонском университете кафедры византийской и современной греческой истории им. Корэса, Тойнби пришлось в 1924 г. оставить эту должность, которую он занимал шесть послевоенных лет, и покинуть это учебное заведение. Новым местом его работы стал Лондонский Королевский институт международных отношений (Чатэм-хаус). Здесь с 1925 по 1954 гг. он выполнял обязанности директора исследований и был настолько символической для этого заведения фигурой, что даже сохранил до самого конца жизни свой кабинет в этом всемирно известном институте.

Одной из главных обязанностей Тойнби в Чатэм-хаусе была публикация ежегодных отчетов о международных отношениях в мире. Одновременно он с 1934 по 1961 гг. выпустил свой знаменитый двенадцатитомник «Изучение истории». Получилось так, что создаваемые им генерализации относительно имманентных черт и стадий внутрицивилизационного развития, типологии цивилизаций и взаимодействия между ними применялись британским историком и философом для аналитики современности. Я. Холл констатирует, что на протяжении своей фактически полувековой работы в стенах Чатэм-хауса Тойнби «совмещал роли ученого и общественного деятеля, используя “Международные отношения” – наряду со многими другими каналами – для информирования политиков и более широкого сообщества о результатах сво-

их исследований» [7, р. 23]. Только в этом журнале Тойнби опубликовал за указанный период 19 обширных работ, демонстрирующих значимость его метаисторических конструкций для аналитики актуального состояния панорамы международных отношений.

Сам Тойнби говорил о том, что начиная свои метаисторические размышления, он обладал материалом истории 21 цивилизации, а к окончанию своего главного двенадцатитомного труда «Изучение истории» владел материалом относительно 31 цивилизационного образования. Все дело в том, что в ходе своих метаисторических размышлений он не только привлек большее количество эмпирического материала, но и сконструировал более проработанную типологию цивилизаций, каких в суммирующем однотомнике «Исследований истории» под редакцией М. Кэплейн, вышедшем в 1972 г., насчитывается 36. Принципиальной для него оставалась модель античной цивилизации, на базе которой, отвергая жесткий детерминизм, он вывел свои «номологические» генерализации относительно генезиса, становления, надлома и падения индивидуальных цивилизации. Правда, завершая свой многотомный труд, Тойнби скорректировал тезис о ведущей роли античной модели, полагая возможным говорить также о распространении в истории также китайской и диаспорической моделей цивилизационного развития. Стоит заметить, что, анализируя современный ему мир и корректируя свои воззрения в свете опыта истории, начиная с 1920-х гг. и вплоть до последних сочинений Тойнби оставался верен именно античной цивилизационной модели. Трагичность современной исторической ситуации – «времени бед», как подчеркивают многие современные исследователи его творчества, видится ему на фоне дезинтеграционных процессов времен ухода в небытие Римской империи, завершающей путь античного мира. Однако решения, связанные с современным кризисом культуры, Тойнби предлагает в духе собственной диагностики современной ситуации и видения ее возможных перспектив.

Характерно, что свои рассуждения о трагизме современного «времени бед» Тойнби связывал, начиная с первых шагов в качестве международного аналитика, с рассмотрением кризиса Британской империи и других имперских образований. В период между двумя мировыми войнами он, в отличие от своих оксфордских учителей, по мнению М. Ланга, хотя и поддерживал роль Лиги Наций как международного института, предназначенного для решения сложных проблем мирового сообщества, возлагал надежды на сохранение роли Британии во главе руководимого ею Содружества, но не считал возможным говорить о наличии некоего заданного свыше предначертания, реализующегося в ходе исторического развития и направляющего его к политическому и моральному совершенствованию, снятию наблюдаемых им трагических конфликтов этого периода. Тойнби склоняется скорее к идее неизречимости надысторического предначертания судеб развития человечества,

сохраняя верность англиканскому религиозному мировоззрению. Эта веровательная установка специфична и для его видения истории сразу после Второй мировой войны. Однако постепенно в 1950-1970-е гг., параллельно с ростом в его произведениях идеи диалогического единства существующих цивилизаций, необходимого для спасения человеческого рода от нарастающих глобальных угроз, он движется в направлении признания значимости вновь конструируемой пантеистически окрашенной экуменической религиозности. К этому его побуждает переживание опыта современности.

Рефлексивное осмысление опыта современной истории доминирует в работах Тойнби, появляющихся после завершения его многотомного «Исследования истории». В них он попытался осмыслить многочисленные экономические, социальные, политические и культурные конфликтные противоречия современной ему эпохи. Конечно же, от его внимания не ушли и межцивилизационные противоречия, обострившиеся на фоне глобализации и сочетающиеся с совокупностью ее проблем, имеющих универсальный характер. В результате, как полагал Тойнби, индивидуальный и коллективный опыт переживания исторической ситуации современности обнаруживает полную трагизма очевидность движения человечества к грани самоуничтожения. Наблюдая противоречия стремительно усиливавшейся глобализации, британский автор констатирует необходимость осознания таящихся в ней угроз мировому сообществу как единому целому, исходящих из разрушения природного окружения, возможных последствий этого для здоровья человека, национально-государственного и монополистического эгоизма, гонки вооружений, непонимания последствий практики технических инноваций, роста полицейского контроля в различных формах и проявлениях и т. д. [5, с. 430–431]. В этой связи он приходит к выводу, что «человечество не выживет без скорого политического объединения» [6, с. 314]. Во взглядах и прогнозах Тойнби относительно развития современной ему мировой ситуации, которые и сегодня звучат весьма актуально, соединяются либеральная установка и тезисы немарксистского социализма.

Стремясь воплотить эти установки в жизнь, Тойнби верил, что научно-технический разум способен реализовать свой потенциал, помогая человеческому сообществу. Однако для этого нужны иные религиозно-мировоззренческие ориентиры. В поздний период деятельности Тойнби писал о том, что авраамическая религиозность излишне акцентирует необходимость активного воздействия на мир. В силу этого обстоятельства, он выступал с лозунгом обращения к пантеистической религиозности как несущей в себе ненасильственный потенциал. Тойнби считал, что наиболее полно этот момент грядущей экуменической религии представлен в таких восточных религиях, как буддизм и синтоизм. Именно экуменическая религиозность, на его взгляд, способна внести

свою продуктивную лепту в устроение основания сотрудничества ныне существующих цивилизаций на базе опыта истории.

Выводы

Подход Тойнби к истолкованию феномена исторического опыта опирается на его антропологические воззрения, сложившиеся под влиянием Бергсона, Тейяра де Шардена, холизма Смэтса, британского варианта неогегельянства, англиканских теологических представлений, а в поздний период его творчества пантеистически ориентированных восточных религий. Носителем исторического опыта, по Тойнби, выступает человек, живущий во времени и одновременно сопричастный высшей непостижимой божественной реальности. Британский мыслитель полагал, что обладатель исторического опыта не только упорядочивает известные ему данные о событиях, свершившихся в пространстве и времени на основе рассудочных процедур, но и наделяет их смыслом, соотнося с целостной картиной истории. В этом плане он был решительным противником исторического номинализма, отстаивавшим роль широких метаисторических обобщений, участвующих в конструировании видения минувшего. Исторический опыт предстает в его сочинениях опредмеченным в деяниях людей, материальных и духовных продуктах, которые распределены и переживаются историком. Живой опыт истории отливается в знаково-символических проявлениях, которые служат основанием его профессиональной мысли, вводимых разнопорядковых концептуальных обобщений.

Тойнби сформулировал глубокие выводы, касающиеся роли живого индивидуального и коллективного исторического опыта, являющегося достоянием его носителей – субъектов. В своем подходе к историческому опыту в его индивидуальном и коллективном проявлениях как экстралингвистической реальности, способной при столкновении с наличной нарративно фиксированной картиной истории менять ракурс ее смыслового видения, он предвосхитил философские воззрения Ф. Анкерсмита и других современных авторов. Такого теоретическая установка нашла свое воплощение в практической деятельности Тойнби, совмещавшего на протяжении всей своей долгой академической карьеры роли аналитика современной панорамы жизни мирового сообщества и историка-профессионала, создавшего собственное видение всемирной истории. Метаисторический цивилизационный подход «работает» не только в его штудиях всемирной истории, но и при рассмотрении реалий глобализации в свете освоения опыта современности.

Список литературы

1. Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. 536 с.
2. Семенов Ю.Н. Социальная философия А. Тойнби: Критический очерк. М.: Наука, 1980. 200 с.

3. Тойнби А. Дж. Пережитое. Мои встречи. М.: Айрис-пресс, 2003. 672 с.
4. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 731.
5. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-пресс, 2003. 592 с.
6. Тойнби А. Дж., Икеда Д. Диалог Тойнби-Икеда. М.: Леан, 1998. 445 с.
7. Hall I. 'Time of Troubles': Arnold J. Toynbee's Twentieth Century // *International Affairs*. 2014. Vol. 90, № 1. P. 23–36.
8. Lang M. Globalization and Global History in Toynbee // *Journal of World History*, Vol. 22, N 4, December 2011. P. 747–783.
9. Toynbee A.J. *Change and Habit*. Oxford: Oneworld Publications, 1992. 240 p.
10. Toynbee A.J. *Mankind and Mother Earth*. Oxford: Oxford University Press, 1976. 641 p.
11. Toynbee A.J. *A Study of History*. Oxford: Oxford University Press; Thames and Hudson, 1972. 576 p.
12. Winetroun K. *Arnold Toynbee. The Ecumenical vision of History*. Boston Twayne Publishers, 1975. 155 p.

A.J. TOYNBEE: HISTORICAL EXPERIENCE AND COTEMPORANEITY

K.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

The article is focused on A.J. Toynbee's interpretation of the relationship between historical experience and contemporaneity. It reveals that the vision of historical experience by this author is justified on the basis of anthropology, which allows to substantiate its epistemological characteristics. The sources of Toynbee's views on historical experience in the heritage of A. Bergson, P. Teilhard de Chardin, and other authors are considered. Toynbee's views on live individual and collective experience, as well as their correlation with historical writing are compared to the ideas of F. Ankersmit, and other philosophers. In the light of Toynbee's approach to historical experience, his activity as a historian and analyst of the current state of the world community is considered.

Keywords: *A. J. Toynbee, historical experience, contemporaneity, meta-history, civilizational approach, ecumenical vision of history.*

Об авторе:

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь. E-mail: carina-oops@mail.ru

Author information:

ANUFRIEVA Karina Victorovna – PhD (Philosophy), Assoc. Prof., Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: carina-oops@mail.ru